

Пепельный Трон

Мунбин Мур

18+

Мунбин Мур

Пепельный трон

<https://litres.ru/74146639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя сгорела. От величия остался лишь трон из спрессованного пепла — чёрный, живой и голодный. Он ждёт нового хозяина, но плата за власть — собственная душа.

Трое наследников: брат, предавший брата, сестра, заточённая в башне, и изгнанник с армией мёртвых. Каждый жаждет короны. Каждый готов убить. Но когда из глубины трона пробуждается древняя Тень, пожирающая живых, они понимают: их война — лишь увертюра. Настоящий враг всегда был внутри камня.

Здесь нет героев. Есть те, кто сгорел, и те, кто ещё горит. И тот, кто сядет на Пепельный Трон, заплатит не короной, а собой.

Мрачное, вязкое фэнтези, где магия — проклятие, любовь — слабость, а власть — медленная смерть. Интриги, безумие, жертвы и пепел, который помнит всё. Готовы ли вы услышать его ответ? Откройте первую страницу — и он заговорит.

Содержание

Глава 1. Дыхание пепла	5
Глава 2. Зеркало из шлака	16
Глава 3. Крик камня	31
Глава 4. Шёпот под кожей	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мунбин Мур

Пепельный трон

Пепел не лжёт. Он не горит, не плавится, не просит пощады. Он — то, что остаётся, когда сгорает всё остальное: надежда, империя, любовь, сама жизнь. Те, кто восседает на Пепельном Троне, правят не живыми, а мёртвыми. Их корона — это их проклятие, их власть — их могила, их дыхание — последний вздох умирающего мира. Но пепел помнит. Он помнит огонь, который его породил, он помнит руки, что его развеяли, он помнит имена тех, кто на него встал коленями. Он терпелив, и он умеет ждать. Трон из пепла не выбирает наследника. Он выбирает жертву. Того, кто готов сгореть, чтобы возродиться. Того, кто готов потерять всё, чтобы обрести будущее. Того, кто знает, что пепел — это не конец. Это начало. Но что, если начало — это просто другая форма конца? Эта история о трёх наследниках — трёх искрах, упавших в сердце древнего пожарища. Они сражались за трон, не зная, что трон всегда был их тюрьмой. Они искали власть, не понимая, что власть уже выбрала их. Они ненавидели друг друга, пока не поняли: их общая ненависть — лишь отражение одной и той же боли. И когда пепел улёгся, когда город сгорел дотла, когда магия иссякла, а кровь пролилась на камни — они остались. Они, и их тени. И выбор, который изменит всё. Сядьте, путники, у гаснущего огня. Послушайте, как ветер шепчет имена мёртвых. Посмотрите на небо, где звёзды давно погасли. И задайте себе один вопрос: что вы оставите после себя, когда ваша империя рухнет, а корона рассыплется в прах? Только пепел. Только правда. Только тот, кто

Глава 1. Дыхание пепла

Пепел не падал. Он висел в воздухе, как память о том, чему больше не суждено сгореть. Тяжелые, серые хлопья кружились в медленном вальсе над руинами Западного Крыла, оседая на выщербленный мрамор и стеклянные осколки, бывшие когда-то витражом с изображением Пяти Драконов. Кассиан стоял на балконе, вцепившись побелевшими пальцами в холодный камень перил, и смотрел, как его наследие превращается в труху.

Внизу, в Цитадельном Дворе, сустились фигуры в черных балахотах — пепельщики. Они сметали обугленные доски, собирали в медные урны то, что ещё минуту назад было драгоценной реликвией, и молчали. Они всегда молчали. Их языки были вырваны ещё при старом Императоре, чтобы они не могли шептать заговоры. Теперь они не могли даже кричать.

— Ваше Высочество.

Голос за спиной был сухим, как пергамент. Кассиан не

обернулся. Он знал этот голос. Лорд-канцлер Грегор Винсент всегда появлялся именно тогда, когда хотел сообщить что-то, что должно было раздавить Кассиана окончательно.

— Докладывай, — сказал Кассиан, не повышая тона. В его голосе не было сил. Только зола.

Грегор шагнул ближе. От него пахло старыми чернилами и, как ни странно, свежим хлебом — запахом жизни, который казался здесь кощунством. Канцлер был стар, его лицо напоминало сморщенный плод, но глаза — два колодца бездонной серости — смотрели с хищной внимательностью.

— Пожар локализован. Архивы Западного Крыла утрачены полностью. Летописи, карты шахт, личные дневники вашего отца... всё, — он сделал паузу, наслаждаясь тишиной, как гурман дегустирует вино. — А также гробница вашей матери.

Кассиан вздрогнул. Этот жест не укрылся от канцлера. Грегор улыбнулся уголками губ — едва заметно, но достаточно, чтобы Кассиан это увидел в отражении мутного стекла витража.

— Её прах развеян, — продолжал канцлер. — Ветер унёс его на север, к Железному Лесу. Если хотите, я прикажу

организовать поисковую группу, но боюсь, что собрать её останки будет затруднительно. Пепел, как вы знаете, не различает благородство и грязь.

— Ты пришёл сказать мне это? — Кассиан наконец повернулся. Ему было двадцать три, но под глазами залегли такие тени, что он казался стариком. Его лицо, острое и бледное, было испещрено тонкими шрамами — памятью о той ночи, когда он пытался взойти на трон в первый раз. — Или у тебя есть ещё новости, от которых у меня скрутит живот?

Грегор почтительно склонил голову, но в этом поклоне было больше насмешки, чем почтения.

— Есть вести от совета Девяти Герцогов. Они собрались в Хрустальной Гавани. Говорят, обсуждают «будущее короны». Вы ведь понимаете, что это значит, Ваше Высочество? Никто не обсуждает будущее живого монарха. Его обсуждают, только когда пришло время выбирать нового.

Перед глазами Кассиана поплыли красные круги. Он сделал глубокий вдох, и воздух обжёг лёгкие. Тот самый воздух, который был наполнен пеплом. И в этот момент он почувствовал это — едва уловимое движение внутри себя. Его вены, казалось, налились свинцом. Магия. Древняя, проклятая магия, которая текла в крови его семьи. Империя пала, сте-

ны рухнули, армия разбежалась, а проклятие осталось. Оно вросло в кости наследников.

Кассиан слышал шёпот.

Он шёл изнутри, из самой глубины его существа. Голос был похож на треск углей в костре. Он повторял одно и то же слово, которое Кассиан ненавидел больше всего на свете.

«Самозванец... Самозванец...»

Это была магия пепла. Его пепел. Он знал, что если потеряет контроль хотя бы на секунду, то всё, что осталось от этого балкона, превратится в серую пыль, а Грегор Винсент, с его сардонической улыбкой, развеется, как утренний туман.

— Герцоги могут обсуждать что угодно, — выдавил Кассиан, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвляла. Она была единственным якорем. — Но без моего одобрения ни один из них не сядет на трон. По закону, сила переходит к тому, кто выжил в Агни. Я выжил. Это не обсуждается.

Канцлер снова улыбнулся. На этот раз шире.

— Ваше Высочество, простите мою дерзость, но Агни —

это ритуал очищения. Испытание огнём. Но то, что произошло три года назад, когда вы взошли на трон... — он многозначительно посмотрел на почерневший мрамор вокруг них. — То, что мы получили, это было не очищение. Это было опустошение. Вы не прошли испытание. Вы его сожрали. И теперь ваша корона — это не золото, а спекшийся шлак. Вы — король пепла. А пепел, Ваше Высочество, — это то, что остаётся, когда сгорает всё ценное.

Кассиан сделал шаг вперёд. От него повеяло жаром, хотя вокруг стоял холодный осенний ветер. Грегор инстинктивно отступил, и в его глазах мелькнул страх. Настоящий. Звериный. Магия Кассиана была непредсказуема, и канцлер это знал.

— Ты забываешься, Грегор, — тихо сказал наследник. — У меня нет армии. У меня нет казны. Но у меня есть вот это, — он поднял руку, и между пальцев просочилась тонкая струйка чёрного дыма. — И я могу сжечь тебя, не прикасаясь. Так что, когда в следующий раз ты придёшь ко мне с докладом о том, что герцоги меня предали, подумай: может быть, тебе стоит встать на их сторону, пока я не решил, что от тебя тоже должен остаться лишь пепел.

Канцлер побледнел, но быстро взял себя в руки. Он был мастером своего дела. Он поклонился, развернулся и заша-

гал прочь, но у самой двери остановился.

— Я всего лишь слуга, Ваше Высочество. И как слуга, я обязан сообщить вам последнюю новость. Эту новость я приберёг напоследок, — он обернулся. — Ваш брат, принц Регул... он жив.

У Кассиана перехватило дыхание. Мир покачнулся. Стены балкона, небо, пепел — всё смешалось в одну серую кашу. Регул. Тот, кто должен был умереть в тот самый день, в пламени Агни. Тот, чью колыбель Кассиан собственными руками вытолкнул в огонь, когда им было по шесть лет. Заговор, интрига, борьба за власть — мать научила его, что трон принадлежит только одному. И Кассиан выбрал себя.

— Он был мёртв, — выдохнул Кассиан. — Я видел его пепел. Я знаю пепел своей семьи. Я ощущал его!

— Вы ощущали чей-то пепел, Ваше Высочество, — мягко поправил Грегор. — Лорд Регул нашёл убежище в землях за Железным Лесом. Он заключил союз с северными кланами. Говорят, он собрал армию изгнанников и беглых магов. И он идёт к столице. Он идёт за своим тронном. За тем, что по праву рождения принадлежит ему.

Кассиан замер. Внутри него бушевала буря. Голос в голо-

ве затих, сменившись ледяной тишиной. В этой тишине он слышал только треск собственного сердца.

«Самозванец», — шепнул ему внутренний голос в последний раз, прежде чем исчезнуть.

— Ваше Высочество, — Грегор уже стоял в дверном проёме. — Я бы на вашем месте собрал совет. Но, прошу прощения, совета у вас нет. Герцоги его разогнали, а пепельщики немые. Остались только вы, ваша память и...

Он замолчал, глядя на то, как по руке Кассиана побежали фиолетовые искры магического перенапряжения.

— ...и ваш пепел. Может быть, на этот раз он вас защитит. А может быть, он станет вашим погребальным саваном. Всего хорошего, принц.

Дверь закрылась. Шаги Грегора стихли в коридоре.

Кассиан остался один на балконе, нависающем над городом, который он когда-то поклялся защищать. Город дышал дымом. Империя, простиравшаяся от Южного Моря до Ледяных Пиков, лежала в руинах. А вместо короны на его голове был невидимый груз, который тянул его вниз, в самое сердце земли, туда, где дремала древняя магия, куда более

страшная, чем его собственное проклятие.

Он посмотрел на Запад. За Железным Лесом. Туда, где, по словам канцлера, шёл его брат. Тот, кого он предал. Тот, кого он считал пеплом.

«Если он вернулся, — подумал Кассиан, сжимая в кулаке горсть серой пыли с перил, — значит, он вернулся за тем, что я у него отнял. И он знает, что я сделал. Значит, он знает всё».

Ветер подул сильнее. Пепел взвился вверх, закрывая небо, и на мгновение Кассиану показалось, что из этого облака серой мглы на него смотрит лицо его матери. Она улыбалась. Так, как улыбалась в тот день, когда учила его убивать врагов, пока те спят.

— Прости меня, — прошептал Кассиан в пустоту.

Но пепел не умел прощать. Он умел только помнить.

И в этот момент, где-то далеко, за горизонтом, на границе Железного Леса, взметнулся в небо багровый столб света. Магия. Чистая, древняя, чуждая магия Регула.

Кассиан понял: война начинается. Не за земли. Не за зо-

лото. За право сидеть на троне, который уже сгорел дотла, но всё ещё требовал крови.

Он повернулся и вошёл в тронный зал. Там, в центре, стоял он — Пепельный Трон. Массивное кресло из спёкшегося камня и стекла, чёрное, как сама бездна. Кассиан медленно подошёл к нему, провёл рукой по холодной поверхности и сел.

Под его тяжестью трон не скрипнул. Он загудел. Он узнавал своего хозяина.

— Пусть приходят, — сказал Кассиан в пустоту зала. — Пусть весь мир приходит. Я уже сгорел однажды. Я не боюсь огня.

Он закрыл глаза, и перед ним встала картина: армия, флаги, брат на белом коне. А в центре этой картины — его собственная смерть, которая, возможно, была единственным, что могло искупить его вину.

Но Кассиан не был героем. Он был королём пепла.

А пепел, как известно, не прощает. И не умирает. Он ждёт.

Трон под ним затих, но в самой глубине камня, там, где была спрессована магия тысячи лет, Кассиан услышал новый шёпот. Это был не его голос. Это был голос трона.

«Ты думал, что всё сторело, мальчик? — гудел камень. — Огонь лишь начало. Пепел — это семя. Ты должен решить: что ты хочешь вырастить на этих руинах? Империю... или свою могилу? Решай быстрее. Твой брат уже делает выбор».

Кассиан резко открыл глаза. В зале никого не было. Только он и тень от короны на полу.

Снаружи донеслось эхо шагов. Много шагов. Тысячи.

Армия Регула подходила к стенам. И у Кассиана не было ни одного солдата, кроме мёртвых, чей пепел кружился сейчас над городом.

Он улыбнулся. Улыбка вышла хищной.

— Тогда я сожгу их всех, — прошептал он. — Я сожгу мир, чтобы на этом пепле построить трон для себя одного.

Но в его груди, там, где когда-то билось сердце, зашевелился уголь. Не живой огонь, а его память. И эта память кричала о том, что завтрашний день принесёт не победу, а от-

кровение, от которого у него перехватит горло.

Он поднялся с трона и пошёл к главному входу, где за массивными дверями уже бушевала тьма.

Завтра он встретится с братом.

Завтра он узнает, почему пепел на самом деле не гаснет.

Завтра начнётся всё.

А пока — только тишина. И лёгкое, едва заметное дыхание пепла на его ладони.

Дыхание, которое не сулило ничего, кроме смерти.

Глава 2. Зеркало из шлака

В тронном зале пахло смертью. Не той, что приходит с мясом и кровью, а той, что въедается в камень, в шторы, в сам воздух — смертью надежды. Кассиан стоял у огромного окна, пробитого в южной стене ещё при его прадеде, и смотрел, как последние лучи солнца золотят шпили города, превращая обгоревшие балки в подобие древнего леса. Город назывался Асгар-Вар, Город Пепельных Башен, но сейчас он выглядел как гигантский погребальный костёр, который кто-то забыл затушить.

За его спиной, у подножия трона, замерли трое. Они были всем, что осталось от имперского совета: слепой архивариус Мастер Элиан, переживший три пожара и потерявший зрение в последнем; старая ведьма-отравительница Леди Морвен, чьё лицо скрывала вуаль из серебряной паутины; и капитан городской стражи Корвин, единственный, кто ещё носил меч, не снимая его даже во сне. И ещё — десяток молчаливых пепельщиков, стоявших вдоль стен, как чёрные столбы.

— Они пройдут через Северные Ворота, — сказал Корвин, водя пальцем по карте, начерченной углём на каменном

полу. — Железный Лес кончается в двух днях пути. Дальше — Пустошь Ветров. Идеальное место для засады. Но у нас нет людей, чтобы устроить засаду, Ваше Высочество. У нас есть только стены и... он запнулся, покосившись на пепельщиков.

— И пепел, — закончил за него Кассиан, не оборачиваясь.
— Я знаю. Говори дальше.

Леди Морвен шагнула вперёд. Её голос шелестел, как сухая листва, и в нём чувствовалась древняя, почти забытая магия.

— Регул не один. За ним идут не просто северные кланы. Я чувствую запах кровавых магов — тех, кто поклоняется Хаосу и пьёт силу из смерти. Их предводитель, некий Магистр Ашур, был изгнан из Академии ещё до вашего рождения. Он научил Регула тому, чего не знает никто из ваших учителей. Вы — король пепла, но Регул — он князь живого огня. Это разные стихии, Ваше Высочество. Огонь питает жизнь. Пепел — лишь её могила.

Кассиан наконец обернулся. Его лицо было непроницаемо, но в глазах тлел тот самый, знакомый всем присутствующим, опасный блеск — когда магия внутри него просыпалась и требовала выхода.

— Могила, говоришь? — он усмехнулся. — Тогда я вырою для них общую могилу. Корвин, сколько у нас боеспособных людей?

— Сто двадцать, — мрачно ответил капитан. — Сто двадцать человек, которые не сбежали, не переметнулись и не умерли от голода. Из них шестьдесят — старики, которые не держали оружия со времён войны с Южными Королевствами. Остальные — мальчишки из трущоб, готовые умереть за кусок хлеба. И это, — он поднял палец, — если мы сможем их накормить. В амбарах пусто. Пшеница сгорела. Остался только ячмень, который даже лошади не едят.

— Накормим их пеплом, — бросила Морвен с усмешкой.

— Заткнись, ведьма, — рявкнул Корвин, но Кассиан поднял руку, и оба замолкли.

— Мастер Элиан, — обратился он к слепому старику, который всё это время сидел неподвижно, перебирая чётки из обгорелых костей. — Ты хранитель архивов. У тебя есть память, которой нет в книгах. Скажи мне: существует ли способ использовать пепел как оружие не против живых, а против самой земли? Я хочу, чтобы Пустошь Ветров стала непроходимой трясинной. Я хочу, чтобы ноги армии Регула

утонули в нашей памяти.

Элиан поднял своё слепое лицо. Глазницы были пусты, выжжены ещё в прошлом пожаре, но он, казалось, смотрел прямо в душу наследника.

— Есть, Ваше Высочество, — тихо сказал он. — Но вы не захотите этого слышать.

— Говори.

— Трон, на котором вы сидите, — это не просто камень. Это спрессованный пепел всех императоров, начиная с Этерия-Основателя. Когда вы касаетесь его, вы касаетесь их душ. Если вы прикажете трону, он выпустит ту самую магию, которая сожгла этот мир тысячу лет назад. Но цена... — старик замолчал, облизнул пересохшие губы. — Она в вас самих. Трон потребует часть вашего тела. Сначала руку. Потом ногу. А потом — разум. Вы станете не королём, а голосом этого камня. Вы перестанете быть Кассианом.

В зале повисла тягучая тишина. Даже пепельщики перестали дышать.

Кассиан медленно подошёл к трону, провёл рукой по его шершавой, спекшейся поверхности. Он чувствовал, как под

пальцами пульсирует что-то живое, горячее, как сердце под землёй. Этот трон был проклятием его рода. И в то же время — единственной надеждой.

— А что, если я не буду сидеть на нём? — спросил он. — Что, если я просто возьму кусок этого камня и вложу в него свою волю?

— Тогда цена будет меньше, — прошептал Элиан. — Но и сила — меньше. Вы сможете зажечь стену пепла вдоль Пустоши, но она продержится всего несколько часов. Этого хватит, чтобы задержать Регула, но не хватит, чтобы победить его.

— Несколько часов — это больше, чем ничего, — отрезал Кассиан. — Корвин, готовь людей. Мы устроим им встречу у Северных Ворот. У нас будет стена огня, а за ней — мечи. Морвен, ты принесёшь мне свои яды. Если Регул выживет в пепле, он умрёт от твоей гадости.

Ведьма кивнула, и её вуаль колыхнулась, открывая на мгновение безгубый рот.

— Я сделаю лучше, Ваше Высочество. Я отравлю сам воздух. Мои зелья уже растворяются в цистернах у Северных фонтанов. Если они сделают хотя бы глоток — их лёгкие сго-

рят изнутри. Но, предупреждаю: ветер может развернуться, и яд пойдёт в город. Тогда мы умрём все вместе.

— Если мы умрём все вместе, значит, Регул не получит трон, — Кассиан усмехнулся криво, почти безумно. — И это уже победа.

Он отошёл от трона и направился к выходу из зала, но на пороге остановился. Что-то заставило его замереть. Лёгкая, едва ощутимая вибрация прошла по полу, как будто сама земля дрогнула в предчувствии. Он прислушался. И услышал звук, которого не должно было быть в этом мёртвом городе — звон колокола.

— Колокол? — переспросил Корвин, встревоженно хватаясь за меч. — У нас нет колоколов. Мы их все переплавили на наконечники для стрел.

— Это не наш колокол, — сказал Мастер Элиан, поднимаясь. Его голос дрожал. — Это Колокол Возвращения. Древний артефакт Железного Леса. Его звон означает, что Регул уже не идёт — он прибыл. Он у ворот, Кассиан. Армия там. Прямо сейчас.

Кассиан рванул к окну, оттолкнул Корвина и выглянул в брешь стены. Ночь уже накрыла город, но вдалеке, там, где

начиналась дорога к Пустоши, горели огни. Много огней. Тысячи факелов, мерцающих в унисон, как живое дыхание чудовища. И в центре этого моря света поднимался столб багрового пламени — магический сигнал, вызов.

— Он не ждёт рассвета, — прошептал Кассиан. — Он хочет ударить ночью. Он хочет, чтобы мы видели этот огонь и боялись.

Он почувствовал, как пепел внутри него начинает кипеть. Голос трона, тот самый, что звучал в первой главе, снова зашевелился в глубине сознания.

«Ты медлишь, мальчик. Ты слушаешь своих советников, которых скоро съедят псы. Иди к стене. Возьми кусок моего сердца — этого камня — и швырни его в тьму. Я дам тебе огонь. Но помни: пепел, который ты родишь, будет голоден. Он сожрёт даже твоих солдат, если ты не прикажешь ему иначе. Решай. Сейчас. Или никогда».

Кассиан сжал зубы. Он знал, что трон манипулирует им, играет на его страхе, на его любви к власти. Но другого выбора не было. Он повернулся к трону, подошёл к нему и, не раздумывая, ударил кулаком по краешку подлокотника. Камень треснул, и откололся небольшой осколок — чёрный, гладкий, как обсидиан, но тёплый на ощупь. Кассиан поднял

его, и в тот же миг его ладонь обожгло — на коже выступил узор из красных прожилок, который быстро впитался обратно.

— Это был я, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь.
— Я выбрал. Теперь вы все — свидетели.

Он кинул осколок в воздух, и тот не упал — он завис на уровне груди Кассиана, начал вращаться, и из него полился чёрный дым, закручиваясь в спирали. Кассиан подошёл к оконному проёму, вытянул руку, и дым послушно потянулся за ней, обвивая его пальцы, как живая змея.

— Пепел, — прошептал он, закрывая глаза. — Ты слышишь меня? Ты, кто спал в этом камне тысячу лет. Ты, кто выжиг Империю. Сейчас твой час. Покажи этим мерзавцам, что значит гореть.

Он широко размахнулся и швырнул сгусток дыма в ночное небо. Тот взлетел, как пичужка, а затем взорвался, разливаясь по горизонту серой пеленой. В следующее мгновение вся Пустошь Ветров запылала. Не огнём — пеплом. Серые вихри взмыли вверх, закрывая звёзды, и обрушились на землю мощной лавиной, сметая всё на своём пути. Оттуда донеслись крики, рёв лошадей, звон оружия — армия Регула наткнулась на невидимую стену, которая не горела, но уби-

вала. Пепел забивал лёгкие, ослеплял, разъедал кожу.

Кассиан стоял у окна, тяжело дыша. Его рука, та, что метала пепел, теперь была чёрной до локтя — кожа почернела и затвердела, как кора. Но он улыбался. Впервые за три года он улыбался по-настоящему.

— Регул, — прошептал он в темноту. — Добро пожаловать в мою империю.

Но его улыбка погасла, когда Мастер Элиан схватил его за плечо своей дрожащей рукой.

— Ваше Высочество, — задыхаясь, прохрипел слепой. — Я... я вижу. Я не глазами, я магией. Ваш пепел... он не остановил Регула. Он... он его усилил. Регул — князь живого огня. Он питается пеплом, как мы — хлебом. Вы только что подкинули ему дров. Армия не рассеялась. Она... она движется быстрее. Они бегут к воротам. Я слышу их шаги... тысячи шагов... уже внутри!

Кассиан побледнел. Он выглянул вниз, на Северную площадь, и увидел, как массивные дубовые ворота, что пережили десять осад, начали раскачиваться. С той стороны их долбили таранами. С той стороны кричали на языке, которого он не понимал, но который звучал как призыв к смерти.

— Как это возможно? — прошептал он. — Я... я же отдал всё!

Внезапно за его спиной раздался звонкий, отчётливый смех. Он обернулся. В дверях тронного зала, опираясь на тонкий клинок, стояла невысокая фигура в алой накидке. Лицо скрывал капюшон, но Кассиан узнал походку — гибкую, кошачью, наглуую.

— Привет, братишка, — сказал голос. Женский. Молодой. И до жути знакомый.

Капюшон упал. Кассиан увидел лицо, которое, как он думал, тоже превратилось в пепел ещё в день Агни. Лицо его младшей сестры — Ирины, которую он собственноручно запер в башне, чтобы она не мешала его коронации. Она была там, где он оставил её. Но она должна была стореть, когда крыша рухнула.

— Ты... — выдохнул он.

— Жива, — мягко подтвердила она, подходя ближе. — Точнее, я была мертва. Но Регул меня нашёл. Он вытащил меня из того ада, в который ты меня бросил. И мы договорились, — она улыбнулась, и в её улыбке не было ничего чело-

веческого. Только тьма, такая же, как у трона. — Он получит трон, а я получу твою голову. Потому что ты, Кассиан, не просто самозванец. Ты — убийца собственной семьи. И сегодня пепел, который ты так любишь, станет твоим саваном.

Она взмахнула клинком, и в то же мгновение ворота рухнули. В тронный зал хлынули крики, и запах крови смешался с запахом золы.

Кассиан сделал шаг назад, к трону, но Ирина уже перекрыла ему путь.

— Ты не сядешь на него, брат, — прошептала она. — Он больше не твой. Он никогда не был твоим.

В глазах Кассиана потемнело. Он понял, что его пепел, его магия, его проклятие — всё это было частью чужой игры. И что его брат, его сестра, даже его собственный трон — все они ждали этого момента, чтобы раздавить его, как сухой лист.

Он вскинул руку, пытаясь вызвать ещё один вихрь пепла, но его тело не слушалось — чёрная рука онемела, а внутри что-то оборвалось. Трон за спиной загудел, но не в поддержку, а в насмешку.

«Слишком поздно, мальчик. Ты выбрал силу, но не нашёл врага. Теперь умирай».

И в этот миг, когда сестра уже занесла клинок для удара, Кассиан услышал третий голос — тот, который шёл не из трона, не из пепла, а откуда-то из глубины его собственного существа. Голос матери.

«Не бойся, сын. Вспомни, чему я учила тебя. Трон — это не место. Трон — это оружие. А оружие можно использовать даже тогда, когда ты безоружен».

Кассиан упал на колени, но не сдался. Он протянул здоровую руку и коснулся пола, где лежала та самая трещина, что он выбил из трона. И вместо того чтобы призвать пепел, он призвал пустоту. Пол под ногами Ирины провалился, и она с криком ухнула вниз, в подземелья, где веками тлели угли древних императоров.

— Прощай, сестра, — выдохнул он, падая навзничь.

Но в этот момент главные двери зала распахнулись, и на пороге, в ореоле багрового пламени, стоял Регул. Живой, взрослый, с глазами, горящими как два солнца. Он не был в доспехах — он был в чёрном, как смоль, одеянии, и от его рук исходил такой жар, что воздух вокруг него искажался.

— Здравствуй, брат, — сказал он, перешагивая через порог. — Ты устал. Ты сгорел. Теперь позволь мне закончить то, что начал отец. Я пришёл за троном. Но сначала — за твоим сердцем. Оно последнее, что не сгорело. Я хочу его вырвать, чтобы ты видел, как я сажусь на то место, которое по праву принадлежит мне.

Кассиан попытался встать, но не смог — его ноги подкосились. Он лежал на полу, на холодном камне, и смотрел, как брат медленно, с наслаждением, идёт к нему. Мир сужался до чёрной точки. И в этой точке была только одна мысль:

«Он победил. Но пепел... пепел никогда не умирает. Я только что отдал трону часть себя. А значит, моя смерть — это ещё не конец. Пепел вернётся. Он всегда возвращается».

Он закрыл глаза и услышал, как Регул приближается.

А над городом, в небе, чёрный дым складывался в фигуру — расправленные крылья, горящие глаза. Дракон. Тот самый, что был выжжен на витраже. Дракон пепла смотрел на своего нового хозяина и ждал.

Регул занёс руку для удара.

Кассиан открыл глаза.

— Ты думаешь, я боялся? — прошептал он. — Я никогда не боялся. Я ждал тебя, Регул. Я ждал тебя все эти годы. И я приготовил тебе подарок. — Он усмехнулся окровавленными губами. — Трон, на который ты сядешь, — это мой пепел. Моя боль. Моя ненависть. Ты не выдержишь и минуты. Он сожрёт тебя, как сожрал меня. И ты станешь мной. Ты станешь тем, кого предал.

Регул замер на мгновение. Его пламя дрогнуло. Но затем он улыбнулся.

— Значит, мы оба сгорим. Но я успею сесть первым. А это всё, что имеет значение.

Он опустил руку.

Но Кассиан уже не видел этого. Он провалился в темноту, где не было ни боли, ни пепла — только тихий голос матери, который повторял одно и то же:

«Помни, сын: когда всё сгорело, начинается рост. Пепел — это не конец. Это начало».

Где-то вдалеке, за стенами, в пепле Пустоши, проклюнул-

ся первый росток зелёного мха. Жизнь, рождённая из смерти.

Но никто не заметил этого.

Никто, кроме слепого архивариуса, который, стоя у рухнувших ворот, улыбнулся в пустоту.

— Игра только началась, — прошептал он. — И в этой игре нет проигравших. Есть только те, кто горит, и те, кто ждёт.

А в тронном зале раздался тяжёлый скрип — Регул сел на Пепельный Трон.

И камень под ним не загудел. Он закричал.

Глава 3. Крик камня

Трон закричал. Этот звук нельзя было сравнить ни с чем, что слышали стены Асгар-Вара за тысячу лет своего существования. Это был не вой ветра в щелях, не скрежет металла и не предсмертный хрип человека. Это был голос самой земли — глубокий, резонирующий, он проходил сквозь кости, заставляя зубы вибрировать, а кровь — сворачиваться в жилах. Регул, только что опустившийся на трон с победной улыбкой, вдруг побелел. Его пальцы судорожно вцепились в подлокотники, но вместо того чтобы ощутить твёрдый камень, они провалились внутрь — в чёрную, вязкую субстанцию, которая мгновенно оплела его запястья, как змеи.

— Что это?! — закричал он, пытаясь вырвать руки. Но магия трона была сильнее. Она впивалась в его кожу, пульсировала, требовала, жаждала. Регул чувствовал, как его собственная магия — тот самый живой огонь, который он культивировал годами — начал утекать из него, словно вода из разбитого кувшина, впитываясь в чёрный камень.

За его спиной, у рухнувших дверей, замерли его военачальники: хмурый великан с топором, седой маг в багровом плаще — тот самый Магистр Ашур, о котором говорила Мо-

рвен, — и десяток северных воинов в медвежьих шкурах. Они смотрели, как их предводитель корчится на троне, и никто не решался шагнуть вперёд.

— Регул! — рывкнул Ашур, делая осторожный шаг. — Слезай! Немедленно! Трон питается тобой!

Но Регул не мог. Камень держал его мёртвой хваткой, и каждое движение, каждая попытка освободиться лишь углубляла захват. Он застонал, запрокинул голову, и из его горла вырвался поток багрового огня, ударивший в потолок. Пламя разнесло каменные плиты, обнажив чёрное небо, усыпанное пеплом. В этой багровой вспышке Регул увидел то, чего не видел раньше: внутри трона, глубоко внутри его структуры, сплетались в клубок тонкие серые нити — души всех, кто когда-либо сидел на этом камне. И в центре этого клубка, скрученный в узел, как зародыш, пульсировал светящийся сгусток.

Это был Кассиан. Его брат. Его враг. Его отражение.

— Ты... — прохрипел Регул, глядя в бездну камня. — Ты внутри? Ты слился с ним?

Голос Кассиана раздался не снаружи, а прямо в голове Регула. Тихий, уставший, но с ноткой насмешки, которой не

было у живого Кассиана.

«Ты хотел трон, Регул. Ты получил его. Но трон — это не победа. Это клетка. Я знал это. Я сидел на нём три года. И теперь ты узнаешь, что это такое — быть частью этого камня. Добро пожаловать в ад, брат. Тут тесно, но мы потеснимся».

Регул заскрежетал зубами. Его огонь вспыхнул с новой силой, и он, собрав всю свою волю, ударил пламенем прямо в центр трона, туда, где прятался Кассиан. Камень пошёл трещинами, но не раскололся. Наоборот — трещины начали затягиваться, как раны на живом теле, и в них заструился тот самый чёрный дым, который Кассиан выпустил на Пустошь.

— Не смей! — заорал Регул, но его голос сорвался на хрип.

Магистр Ашур рванул вперёд, схватил Регула за плечи и, активируя защитную печать на своих ладонях, начал вытягивать его из трона. Это было похоже на то, как вытаскивают меч из тела: с болью, скрежетом и потоком чёрной крови, которая, казалось, сочилась из самого камня. Регул оторвался от трона с глухим звуком, похожим на вырванный корень, и упал на пол, тяжело дыша. Его запястья были покрыты чёрными отпечатками пальцев, которые медленно исчезали, оставляя на коже глубокие ожоги в виде узоров.

— Ты идиот! — прошипел Ашур, нависая над ним. — Я говорил тебе: трон проклят. Сила, которую ты ищешь, не в этом камне. Она в твоей крови! А ты полез в логово зверя, как несмышлёный щенок!

Регул, шатаясь, поднялся. Его глаза горели не огнём — ненавистью. Он посмотрел на трон, который уже затянул все трещины и стоял как новенький, чёрный и безмолвный. Кажалось, он дразнил его.

— Он жив, — сказал Регул сквозь зубы. — Кассиан жив. Внутри. Он стал частью трона. Я слышал его голос.

Ашур нахмурился и посмотрел на камень с новым, почти благоговейным страхом.

— Тогда мы должны уничтожить трон. Сжечь его, расколоть на куски, утопить в море. Если он там, он будет мешать тебе всю жизнь. Он будет нашептывать, управлять, отравлять твои решения. Ты думаешь, ты будешь королём? Нет. Ты будешь его марионеткой.

Регул повернулся к магу. Его лицо, ещё недавно искажённое болью, теперь было спокойным — той ледяной спокойностью, которая бывает перед самым страшным ударом.

— Ты не понимаешь, Ашур. Трон — это символ. Если я уничтожу его, я признаю, что Кассиан сильнее. Что его проклятие — это настоящее наследие, а моя сила — лишь бледная копия. Нет, я не уничтожу его. Я подчиню его. Я буду сидеть на этом троне, пока он не признает меня хозяином. Даже если это займёт годы.

Он подошёл к трону, но на этот раз не сел на него. Он опустился на одно колено и провёл рукой по основанию, где ещё теплились отпечатки его собственных ожогов.

— Я научусь говорить с тобой, камень. Ты слышишь меня, Кассиан? Ты слышишь своего младшего брата, которого ты предал? Я не уйду. Я останусь здесь, в этом городе, в этом зале. Я вырву тебя из твоей уютной норы и превращу в пепел, как ты превратил нашу семью. Но сначала — я буду мучить тебя. Каждую ночь я буду приходить и сидеть на этом троне, по чуть-чуть, по крупичкам вытягивая твою суть. И когда от тебя останется только пустой голос, я прикажу выбросить его на помойку, как ты выбросил меня когда-то.

Магистр Ашур молчал. Он смотрел на своего ученика, который, казалось, сошёл с ума прямо у него на глазах. Северные воины переглядывались, но никто не смел слова сказать. Регул был их вождём, их князем живого огня, и даже его

безумие казалось им частью его величия.

Но никто из них не заметил, как на заднем плане, у самого входа в тронный зал, стоит Мастер Элиан. Слепой архивариус, которого все считали безвредным стариком, стоял неподвижно и улыбался. Его белые, мёртвые глаза смотрели прямо на трон, и в этом взгляде читалось нечто такое, что заставило бы даже Регула вздрогнуть, если бы он это увидел. Элиан видел. Не глазами — он видел магией. Он видел, как Кассиан, сжавшийся в клубок внутри камня, не страдает. Он улыбается. Так же, как сам Элиан.

— Началось, — прошептал архивариус так тихо, что никто не услышал. — Братец против брата. Трон против наследника. Но пепел не выбирает стороны. Пепел выбирает только одно — гореть.

Он бесшумно удалился в тени коридоров, оставляя Регула наедине с его победой, которая уже начала обращаться в яд.

Тем временем в подземельях, под тронным залом, царил тьма, густая и липкая, как смола. Ирина, рухнувшая в провал, созданный Кассианом, пришла в себя от резкой боли в левом боку — вероятно, сломано ребро. Она лежала на холодной земле, покрытой слоем вековой золы, и смотрела вверх, туда, где зияло отверстие, через которое она упала. Но

оттуда уже не проникал свет — Регул, должно быть, закрыл дыру, чтобы никто не последовал за ней. Она была одна. В полной темноте. Среди костей и праха древних императоров.

— Чёрт бы тебя побрал, Кассиан, — прошептала она, пытаясь подняться. — Даже умирая, ты находишь способ нагадить.

Она оперлась на руку и наткнулась на что-то твёрдое. Пальцы нащупали холодный металл — это был меч. Старый, покрытый ржавчиной, но всё ещё острый. Ирина подняла его и, используя клинок как посох, поднялась на ноги. Вокруг не было ничего, кроме запаха тлена и далёкого эха собственного дыхания.

— Я не умру здесь, — сказала она вслух. — Я пережила его тюрьму. Я пережила огонь. Я переживу и эту яму.

Она двинулась вперёд, ощупью пробираясь в темноте. Стены были влажными, с них стекала вода, пахнувшая железом. Где-то вдалеке слышался монотонный звук, похожий на сердцебиение — тяжёлое, ровное, ритмичное. Ирина пошла на этот звук, понимая, что в этом подземном царстве она либо найдёт выход, либо умрёт от голода и жажды.

Она шла долго, спотыкаясь о черепа и осколки древних

артефактов. Её глаза постепенно привыкали к темноте — настолько, что она стала различать очертания арок и колонн. Это был не просто подвал. Это был некрополь. Целое подземное кладбище, где хоронили императоров до того, как их пепел стали спрессовывать в трон. Она стояла в центре огромного склепа, где вдоль стен в нишах стояли каменные саркофаги, на каждом из которых были высечены имена и даты правления.

— Этерий-Основатель, — прочитала она на одном из них, проводя пальцем по пыльным буквам. — Ларана Драконья Грива... Соломон Пепельный... — она шла мимо, и каждое имя отзывалось эхом в её памяти. — Вы все сидели на этом троне. Вы все умерли. И все вы здесь, в этой вонючей дыре. Что за наследство?

Но внезапно она остановилась. Один из саркофагов был открыт. Крышка валялась на полу, разбитая на несколько кусков. Внутри, вместо истлевших останков, лежала свежая глина — фигура, вылепленная в человеческий рост, с едва прорисованными чертами лица. И фигура эта была покрыта слоем мелкого серого пепла, который, казалось, двигался, переливался, дышал.

Ирина отступила на шаг, сжимая меч перед собой.

— Кто ты? — спросила она в пустоту.

Глиняная фигура зашевелилась. Медленно, с хрустом, она приподнялась на локтях, и в том месте, где должны были быть глаза, зажглись два уголька — тусклых, но живых. Голос, раздавшийся из её рта, был хриплым и надтреснутым, как старая дверь.

— Я — хранитель. Я — память. Я — тот, кто был сожжён и восстал из пепла.

— Ты — Кассиан? — спросила Ирина, узнавая интонации брата.

— Нет, — ответила фигура, вставая во весь рост. Она была выше Ирины, её глиняное тело покрылось тонкими трещинами, из которых сочился свет. — Я — не Кассиан. Я — то, что внутри Кассиана. Его истинная сущность. Его проклятие. Я — Пепел, который был до него. И я ждал тебя, Ирина. Ждал тысячу лет.

Ирина застыла. Она слышала от Регула о древних сущностях, которые живут в магии, но никогда не сталкивалась с ними лицом к лицу.

— Ты хочешь меня убить? — спросила она, стараясь, что-

бы голос не дрожал.

— Убить? — фигура засмеялась, и смех этот был похож на скрежет камня о камень. — Зачем мне тебя убивать? Ты — единственная, кто слышит меня. Твоя кровь не замутнена его ненавистью. Ты можешь стать моим проводником. Ты можешь выйти из этого подземелья и рассказать всем правду.

— Правду о чём?

— О том, что Регул — не настоящий наследник, — прошептал Пепел, склоняясь к ней. Его безгубый рот почти касался её уха. — Он никогда им не был. Он — фальшивка. Подделка. Его огонь — ворованный. А твой брат Кассиан, которого ты ненавидишь... он — единственный настоящий. Но он слишком слаб. Слишком горд. Слишком сломлен. Ты, Ирина, — его единственное спасение. Если ты поможешь мне, я помогу тебе.

— Поможешь мне что сделать? — спросила она, чувствуя, как холодок страха спускается по позвоночнику.

— Помогу тебе сесть на трон, — ответила фигура. — Самостоятельно. Без Регула. Без Кассиана. Ты станешь императрицей. Ты будешь править этим пеплом. И я буду твоим со-

ветником, твоей силой, твоим мечом. Взамен я прошу только одно: ты не дашь Регулу разрушить трон. Ты защитишь его. Потому что трон — это я. И я — это Империя.

Ирина смотрела в пустые глазницы существа, которое называло себя Пеплом, и впервые за долгое время она не знала, что сказать. Она пришла сюда, чтобы убить Кассиана. Она пришла, чтобы отомстить за своё заточение. И вдруг оказалось, что всё это время она была лишь пешкой в чужой игре, где даже фигуры на доске не знают, кто ими управляет.

— А если я откажусь? — спросила она.

— Тогда ты останешься здесь, — мягко сказала фигура, и в её голосе послышались стальные нотки. — Навсегда. Будешь бродить по этому некрополю, пока не сойдёшь с ума, и будешь есть свой собственный пепел. Выбор за тобой, принцесса. Ты всегда была умной. Я знаю. Я наблюдал за тобой в башне. Ты не глупа. Ты просто зла. А злость — это хорошее топливо.

Ирина сделала глубокий вдох, задержала дыхание и выдохнула. Она посмотрела на меч в своей руке, потом на существо из глины и пепла, потом на выход — темный туннель, ведущий неизвестно куда.

— Хорошо, — сказала она медленно, словно взвешивая каждое слово. — Я соглашусь. Но на моих условиях. Я не буду твоей рабыней, как Кассиан. Мы будем партнёрами. Ты даёшь мне силу. Я даю тебе защиту. Если ты хоть раз попытаешься мной управлять — я расколю трон на тысячу кусков и скормлю его псам.

Существо улыбнулось — жуткой, кривой улыбкой, раздирающей глину.

— Договорились, — прошептало оно. — А теперь идём. Я знаю выход. Но предупреждаю: на поверхности нас ждёт не только Регул, но и кое-что похуже. Твой брат, сидящий в троне, начал кое-что необратимое. Ты слышишь этот звук?

Она прислушалась. Тот самый монотонный звук, который привёл её сюда, стал громче. Это было не сердцебиение. Это был стук. Тысячи маленьких ударов, как будто капли воды падали на камень. Но вода была не водой. Она подошла к стене и провела по ней рукой — ладонь стала мокрой, но не от воды. Это была кровь. Чёрная, тягучая, она просачивалась сквозь камни, наполняя подземелье своим металлическим запахом.

— Что это? — спросила Ирина, с трудом сдерживая тошноту.

— Пепел просыпается, — сказал хранитель. — Трон зовёт своих детей. Он голоден. Он чувствует кровь Регула, которая пролилась на него. И он хочет ещё. Всю. До последней капли.

Ирина почувствовала, как пол под ногами начинает вибрировать. Где-то наверху раздался оглушительный грохот, затем ещё один, и ещё — это рушились башни. Асгар-Вар умирал. Медленно, в муках, как обезумевший зверь.

— Надо убираться отсюда! — закричала она.

Пепел-хранитель схватил её за руку своей глиняной ладонью, и они побежали в туннель. Сзади, в некрополе, начал рушиться потолок, и камни падали, похоронив под собой саркофаги древних императоров. Всё, что осталось от их величия, превращалось в груды щебня.

Они бежали, спотыкаясь о корни и кости, и наконец Ирина увидела впереди слабый свет — выходящий на поверхность лаз. Она выскочила наружу, в холодный ночной воздух, и упала на колени, задыхаясь.

Она была на окраине города, у разрушенной стены. Небо над Асгар-Варом было чёрным, но его прорезали всполохи красного и серого — пепел и огонь Регула бились друг с дру-

гом в бешеной схватке. Город был охвачен хаосом. Солдаты Регула грабили дома, убивали тех, кто сопротивлялся, и поджигали остатки построек.

Ирина повернулась к хранителю, но его не было рядом. Вместо него на земле лежал небольшой кусок чёрного обсидиана, тёплый на ощупь. Она подняла его и услышала голос:

«Я буду с тобой, принцесса. Всегда. Но теперь твой ход. Иди в центр города. Найди Мастера Элиана. Он знает, что делать. И не доверяй никому. Даже своему отражению».

Ирина сжала камень в кулаке и поднялась. Вдалеке, в центре города, над тронным залом, взметнулся новый столб пламени — ещё более мощный, чем раньше. Это Регул вступал в бой с тронном. Или трон — с ним.

Она пошла туда. Она не знала, что найдёт в конце этого пути — смерть, власть или новое предательство. Но она знала, что теперь у неё есть цель: не убить Кассиана. Не отомстить. Выжить. И стать той, кто соберёт этот пепел в единое целое, чтобы из него, как из семени, выросло что-то новое.

— Ты только держись, — прошептала она, обращаясь к камню в руке. — Мы выберемся. Мы построим новую империю. На костях старой.

Камень пульсировал в ответ. Ирина шагнула в пепельный дождь, который начал сыпаться с неба, и растворилась в серой мгле, оставляя за спиной горящий город, мёртвых императоров и войну, которая только начиналась.

В тронном зале Регул, сидящий на полу в обнимку с тронном, вдруг замер. Его глаза расширились. Он чувствовал её — сестру, которая была рядом, совсем близко, в городе. Он чувствовал её кровь, её магию, её связь с камнем.

— Ты, — прошептал он, поднимаясь. — Ты выбрала не мою сторону.

Он засмеялся. Смех был горьким, безумным, и в нём слышалась нотка облегчения.

— Тогда пусть будет война. Между всеми. Брат против брата. Сестра против брата. Камень против пламени. Пепел против живого огня. Мы все сгорим. Но кто-то сгорит красивее.

Он взмахнул рукой, и пламя из его ладони вырвалось в ночное небо, озаряя город багровым заревом.

И в этом зареве, на руинах Западного Крыла, Кассиан, за-

пертый в троне, открыл глаза. Его тело, оставленное на полу у подножия, давно остыло, но его душа смотрела на происходящее с холодной ясностью.

«Они все хотят трон, — подумал он. — Но ни один из них не знает, что трон — это ловушка. Я не сижу здесь. Я здесь заперт. И я вырвусь... когда наступит час. Когда пепел поднимется. Когда кровь наполнит трещины. Когда я стану не человеком, а стихией».

Вокруг его духовной сущности начали собираться серые нити — души всех, кто сидел на троне до него. Они тянулись к нему, касались его, и Кассиан чувствовал их боль, их гнев, их бесконечную усталость.

— Тихо, — сказал он им, улыбаясь. — Теперь вы не одни. Я здесь. И мы вместе. Мы покажем им, что такое настоящий пепел.

И в тот самый миг, когда он произнёс эти слова, весь город окутала тёмная пелена. Звёзды исчезли. Огонь Регула погас. И наступила полная, абсолютная тишина.

Лишь одна фигура стояла в центре площади, подняв руки к небу. Мастер Элиан. Слепой архивариус, который всё видел.

— Он проснулся, — прошептал он, и в его пустых глазницах зажглись два огня. — Пепельный король восстал.

Тишина взорвалась. И город закричал — не людьми, а камнями, пеплом, памятью. Кричал трон. Кричала земля. Кричало всё, что когда-либо горело.

А в центре этого крика Регул стоял на коленях, сжимая голову руками, и в его голове звучал только один голос:

«Добро пожаловать в мой ад, брат. Теперь ты — часть меня».

И Регул понял, что проиграл.

Пока ещё не до конца. Но он уже чувствовал, как пепел просачивается в его кровь.

И что он больше никогда не будет прежним.

Глава 4. Шёпот под кожей

Тьма, опустившаяся на Асгар-Вар, не была обычной ночью. Она была густой, осязаемой, она просачивалась сквозь поры камня и вдыхала смерть в лёгкие каждого, кто ещё дышал. Она не поглощала свет — она его высасывала, оставляя после себя лишь серое марево, в котором даже факелы казались тусклыми угольками, готовыми вот-вот погаснуть. Регул стоял на коленях в центре тронного зала, сжимая голову руками, и чувствовал, как тонкие нити пепла проникают в его кровь, в его кости, в его самую суть. Они не жгли — они шептали. Тысячи голосов, слившихся в один, говорили на языке, который он не понимал, но интуитивно чувствовал как древнее проклятие его рода.

— Уйди... — прохрипел он, пытаясь стряхнуть с себя невидимую паутину. — Уйди из моей головы!

Но голоса не уходили. Они становились громче, настойчивее, и в них начинал прорезаться знакомый тембр — голос Кассиана, но искажённый, многоголосый, как будто говорили сразу десятки его копий.

«Ты думал, что сможешь сесть на трон, Регул? Ты думал,

что я сдамся? Нет. Я — трон. Я — камень. Я — память. И я буду с тобой всегда, даже когда ты уйдёшь спать, даже когда будешь есть, даже когда будешь любить. Я буду в каждом твоём вдохе, в каждом ударе сердца. Я сделаю тебя мной».

Регул закричал, и из его горла вырвался столб багрового пламени, ударивший в потолок. Вспышка на мгновение разогнала тьму, но она вернулась, ещё более плотная, и накрыла его, как саван. Магистр Ашур, стоявший в нескольких шагах, бросился к своему ученику, активируя защитную печать, которая вспыхнула голубым светом, отталкивая пепельные нити.

— Регул, очнись! — заорал он, хватая его за плечи и встряхивая. — Ты теряешь себя! Трон пожирает тебя! Ты должен выйти из этого зала! Сейчас же!

Но Регул не слушал. Его глаза закатились, и в них, вместо зрачков, плавали два серых пятна, похожих на тлеющие угли. Он улыбался — криво, не своей улыбкой, а улыбкой Кассиана, той, что Ашур видел на портретах в архивах.

— Ты не понимаешь, старик, — сказал Регул чужим, растянутым голосом. — Я уже не могу уйти. Он во мне. Он здесь. — Он постучал себя по груди, и из-под его пальцев, сквозь одежду, просочилась тонкая струйка чёрного дыма.

— Он прорастает. Скоро я стану им. Или он станет мной. Какая разница?

Ашур отшатнулся, его лицо побледнело. Он видел одержимость магией, он боролся с ней всю жизнь, но такое — чтобы живой носитель элементарной стихии оказался захвачен духом древнего камня — было за пределами его знаний. Он знал только одно: если Регул поддастся окончательно, то в этом мире появится нечто гораздо более опасное, чем просто безумный король. Появится слияние. Два наследника, соединённые в одном теле, с двумя волями, двумя магиями, но с одной целью — уничтожить всё, что не является пеплом.

— Слушай меня, — прошипел Ашур, схватив Регула за подбородок и заставляя смотреть в глаза. — Ты сильнее его. Ты — князь живого огня. Огонь — это жизнь. Пепел — это смерть. Жизнь всегда побеждает смерть. Вспомни, чему я учил тебя! Вспомни свои тренировки! Ты выжил в ледяных пустошах, ты сражался с драконами-призраками, ты пережил голод и предательство. Неужели ты позволишь какому-то камню сломать тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.